

Слава Сумалётов

БЫЛЬКИ И БАБАЙКИ

*

1988-1991

ред.1999

*

САХАР

Поели еду. Попили чай. Но сахара нет.

На следующий день направляюсь в ЖЭК – задача: заполнить талоны и сахара закупить на месяца три тому вперёд... Похоже, я ещё не проснулся. О!.. Что – о?! Очередь, говорю, в ЖЭКе не очень большая для настоящего времени года. Вот он: встал я, последним.

За четырёхгранным столом глядит одноглавым орлом вольнонаёмная тётка, свидетель судеб. И надпись над нею висит в чёрной рамке. (Извините меня за эпитет): "Больным сахарным диабетом обслуживаться в соседнем отсеке!"

Очередь плавно текла. Но начал пить нашу кровь очень медленно какой-то шмель в галифе, требуя сахара. Из гербастой колоды раскидав коммунальный пасьянс, втыкал он два пальца в толстозадую тёткину книжку. И тут, переступая ногами у стены, я понял вдруг, что единица еды есть единый и неделимый атрибут мате-реализма. (Впрочем, это ни к селу, ни к культурному городу.) Но тётка методично глядит на объект и молча считает, на коричневых счётах стуча, количество комнатных сот и жадных пчёл в каждой.

Не успел я опять заскучать, не прошло и пяти нормальных людей, как новый зануда спросил сладострастно: "На собаку талоны даёте?" Знойно так стало, аж тошно... Не знаю, как у неё хватило логических сил: я думал – умрёт в страшной паузе тётя. Казалось, нас всех тут зарыли навек. Но из густосмешанной массы в вурдалака кто-то вовремя вбил осиновый крик – и спас нас от бледного ужаса.

Осиновый крик (ханжески отредактированный мной):

"Ты что... поперехнулся, мужик? Собаки в стране уж мясо всё... съели. Ты, пёс шелудивый нерусский... хочешь, чтоб САХАР... тоже?!"

– Как ваши... лица похожи, – вздохнул одиноко вампир и галстук свой розовый смял аккуратно.

Отстояв своё, я нежно талоны взял и с приторным чувством уходящего долга понёс килограммы в семью.

КЛАССИЧЕСКАЯ БЕССОННИЦА

Бессонница – болезненное отсутствие сна.
Ожегов

А всё-таки какая грубость: на работу мне с утра! Такая безысходность: я без сна... А работать надо чутко, на работе надо бдить: хошь-не-ешь, а нужно сутки – завернуть, отдать, забыть.

Я слонов считать устал: мне на левую ступню слон сто первый тупо встал. Никого ж я не виню!.. Стало больно – свет включил. Слон смотался в том в чём был. Я встал.

Походил. И покурил. Кран открыл. Лицо помыл. Попил. Потом закрыл...

Как представлю свою тень утром на заводе... Жутко. Застелил постель. Вижу ясно: бродит тень и места не находит... Жалко как-то... как своё! Пальцем по окну провёл. Сел за стол. На стул. Музу эту ждать! Но – разум мой не смог молчать...

Написал – боюсь читать. Прочитал – боюсь писать. Цветочки буду поливать!..

Ах, какая благодать: злой будильник зазвонил, а на работу НЕ ВСТАВАТЬ!

Принял кофе – и поплыл... И опоздал.

ДУША

Стареть рано; взрослеть поздно. Какие раны? Какая слава? Какие звёзды? Устал я от слепых желаний! Хотите – сами... А не хотите ходить... Не знаю! Я ничего не знаю... А то, что знал, – забыл. А вспоминать – устал. И память – в ил. Как камень – в воду. Но без кругов: устал от слов... Прости раба, холодная свобода... А впрочем, твоё дело: устал быть чёрно-белым... И просто – быть: я уставать устал! И, хлопнув дверью по лбу счастье, из мелких обстоятельств благородно вышел вон. И долго брёл... И – лёг. Хоть я устал лежать! И спать. И видеть сны. (Вместить которые бессилён разум был.) Услышал слабый, тонкий стон... Узнал! моя душа... Душа была страшна. Но мне-то наплевать! Хоть – нечем: высохли чернила... Три раза обернувшись, душа ушла; уставшая, согнувшись... Я мог догнать: она ждала. Но догонять – тем паче я устал! Пожалуй, здесь то место, где естественно закончить... Но я устал от многоточий!.. Ну что ж, начнём сначала...

“Нет, милый, я устала.”

ПОЕТЫ

Взяв водку и женщин в придачу, заполняют телами квартиру молодые поэты. Проводив маму с папой на дачу, а с ними – и зиму, адекватно приветствуют лето. На плите оставлен обед и в воздухе туча полезных советов, но свобода дыханья важнее для поэтов: да здравствует клей "Момент"!!!

И вот уж забилось веселье в разгаре: к интеллектам подступает на цыпочках кайф. Но некто в буквальном угаре пугает кайфа большими стихами. (Он полгода уже поет, а поэту, известно, отдыха нет!)

Из длины коридора струится изысканный писк. Это (всегда реагирует так вначале) наша комнатная актриса, чей будущий муж уж безвольно завис на радужных глюках во главе прямоугольного хлама прихожей. Горе, горе мужьям от ума их жён! не знающего краткости ни в чём.

Было страстно и элитарно. Только в гражданской одежде субъект, что недавно из армии вышел, вдруг вспомнил всё!.. И заскрипели по нашим ушам сапогами его косные речи: как он, с иголочки полированный дембель, "духов" гонял по шкале школы жизни! Но сам, к

счастью, на корточках вылетел в ванную, такой же бледно-зелёный и не рассуждая. Организм, понятно, отвык и быстро устал в мирском одиночестве веселиться, где молва и сплетни проклятые. Ненавижу! качественно презираю их! Артист, он и здесь артист, а не бульжник. Пишу и пьянею! Ветер и мрамор.

А поэт продолжал! замутнять подпольные мысли дам своими скорбями. И долго б ещё растворялся перед нами, – заунывно пытая наш такт на излом и портя созерцание правильных форм, плотоядно мерцающих. Но, сконфузившись руками и ртом, соскользнул в невесомый проём и по поверхности забурлившего пола канул в дебри квартирной абстракции. Говоря обывательским языком, он на кухне свернулся под стулом в здоровый клубок телесного сна. Слабый поэт, что тут сказать! К тому же уж шепчут... Душка, не прелюбодействуйте мне на нервы: я давно не люблю осведомлённости! Да вы закусывайте, закусывайте, немного осталось.

Как всегда! С жидкостью не рассчитали. А ведь их предупреждали!!! И стало нам мало и вяло... Бегали, вывихивали карманы по всяким шкафам... Наскребли, собаки! Взяв в пальцы деньги, самый сдержанный малый, с тонкой грустью на длинных ресницах, уходил, по перилам стуча однозвучно, в белую ночь, даже ни разу не оглянувшись! (Вот она, сила духа, когда проявляется!) Но, к всеобщему умилению, и не вернулся... Аж кишки свело...

Но поетовский друг, что тупо учился на кока речного (и этим кадром вставной чужеродности дробил и позорил наш умственный круг, доставляя нам муки стыда и продукты), вдруг! оказался не кок тривиальный, а самородок неотёсанный: он выход на полке обрёл гениальный! в своей простоте, вползшей в штормящую дверь с третьей попытки и зашипевшей под ногами дословно: "В ихнем трюме застал я аптечку! В ней доски с колёсами. Ну по шарам!!!" Или что-то вроде того, я не совсем помню; помню, что дело было в трюме и в таблетках.

От приступа вновь навалившегося кайфа – из туманностей наших очей хлынули первые капли, попадав враздробь на линолеум... Перечёл. Так понравилось! Какой же я всё-таки... (Тихо промолчав в скобках, ибо присутствующий, надо продолжать.) Три упаковки, хрустнув, сказали "адю, разум". Уже полегчало. Затем, как оно заурчало, по плану того же угрюмого кока, который всем уже здесь надоел, заварили они на две пачки пресного кипятка по стакану индокитайского чая. Бойтесь матросов, цепные печали!

Так стало нам хорошо, что даже вышеотъехавший дембель сажёнками вышел из ванной, чистоплотный, как кнопка, но влип в магнитофон, издав вопль бегемота, остановленного метким копьём дикаря или танком белого человека на тропе к водостоку, так примерно: "Вешайтесь, швабры-соседи!.." И децибельный аукнулся гром. И соседи, в натуре! вешались прямо, как мётлы и веники... Дурни какие! – зачем? – звуковое отчаянье тяжёлый, но грех. Но дембель не унимался:

"Строиться на подоконниках с матрасами, тыловые крысы! Ишь нюх без меня потеряли! Ищи теперь... Я устрою вам танцы-шлёпанцы, мещане-буржуи! У меня вы вволю набеситесь с жиру в июне! Вынь руку, сынок, из кармана, не то засыплю песком и зашью! Команда "отставить" выполняется вдвое быстрее предыдущей. Я же сказал: по ранжиру!!! Но "вольно" не так, как хочу, так и встал! а послабление мягкой плоти в одной из двух ног, полудурок. Отставить-на-исходную!!! Заправься. А теперь доложи, как же ты, такой дебил из дебилов, дома-то жил? Ну ничего, я тебя научу любить родину, сука. О, как я прав!"

Конечно, я речь его дембельскую отредактировал с художественным ханжеством через каждое слово. Но кто-то живой к нам с той стороны реализма постучался и, ворвавшись без спроса, тускло совершил над собой замечанье с вопросом: "Нельзя ли потише, господа? Ночь ведь, хоть и светло". Резонёра разумно послали за пивом в ларёк, отрезав от любопытства захлопнутой дверью, оставили всё-таки с носом! Но дембель, отвыкший от интеллигентности, вырвался из-под контроля и, обречённую спину догнав, с нею два раза подрался.

"С ними нельзя по-другому! Вся чужь от евреев! Я чую их кожей! Мне нельзя ошибаться! – выл демобилизованный. – Бей жидов – спасай колбасу!" Но сгустились над бывшим

минёром его новые мысли опять – и он заснул, распрямившись. Успела затикать дискуссия об антисемитах, развернувшись из тени угла. Тихо так стало... аж слышно, как дембель молчит на краю стены. То есть – стола, если смотреть сидя.

Видно было, как на ритме облитого кетчупом времени растянулся, споткнувшись об голову спящего дембеля, опрокинутый стол: кувыр-ком! – обиженно разрыдавшись своими стеклянными брызгами по раздвоенным спинам и их лицам.

Дальше эхо наших шагов шло своим, как жизнь, чередом. Ножки у стульев сломали-таки пополам! Крепкие, сволочь. И вышли гуськом погулять те, что не спали. Но кто-то вернулся... И тоже заснул – рядом с теми, которые не гуляли, так те давно уже спали! в одежде зато. К чему нам такие подробности, слушай? Не слышит никто.

Лишь пришлые бесы включали в головах болевые радиоточки и будили. За это мы их "Моментом" изгнали из имиджа в море, – расклеив подлые морды на кафеле ванной узорами из авангарда. Сигналы SOS, подымив на диване, внезапно потушились. А бесы, закрывшись изнутри, пищали в хозяйственном мыле. Но к утру всё улеглось и перетёрлось в труху, испепелившись дотла. И день следующий встал в изголовье. И с болью окостенел в мозжечке. Боль уже не казалась преходящей.

Расходились поэты, как люди, вздохнув на дорожку "Моментом" (правда, утратившим актуальность: издох неприкрытый в пакете). Благодарно выудив хозяина салона из-под стула, расстелили его на мягком. Он сквернословил.

Проснулся. Смотрю: всё разбито, диван прожжён во всех частях... Я же предупреждал: осторожней с огнём... А поэты не врут! И за это их любят и бьют.

СЛУЧАЙ В ЛЕСУ

– Знаешь, неплохо время за нос провели!.. А знаешь, здесь могут быть грибы... и даже жить медведи!.. Знаешь, у нас одна дорога...

Вдруг! оба! согнулись!... – что-то громом диким над мирным лесом распалось на части... И стихло. И – распрямились они, рассмеялись.

– Что это было? Взрыв?

– Наверное... А как мы согнулись-то – одновременно!

– Инстинкт! самосохранения... Ладно, пошли быстрее – уже темнеет.

Я вчера Свободе в любви признался: предложил ей перо и сердце, осмелев и выпив. И она согласилась вроде... Но вспомнила:

– Ты от инстинкта того отказался?

Я зачихал, как обсыпанный перцем, стал ныть:

– Не могу: у меня же вся жизнь впереди!

– Не хочу я тебя! Уходи.

Такая строптивая женщина...

– А знаешь, что наша жизнь...

– Да знаю, отвяжись!

М о р а л ь: Рвануло – ложись!

МАГАЗИН СМЕРТИ

Продавец (зевая). Ещё не пройден путь... Успеешь заглянуть... Обратного не вернуть...

Покупатель (с живым интересом). Но велика ли цена? Какие цены нынче в мире?!

Случайное лицо (женское; заглядывая в дверь). Не верю в "дважды два"! Не верю, что оно – четыре! (Исчезает, хлопнув дверью.)

Продавец (закрывая окно). Сквозит...

Покупатель (закатывая рукава и поёживаясь). А чем вон те платили, когда вскрывали вены? (Закатывает глаза и делает неопределённый жест... И вдруг бьёт Продавца ножом в живот.) Занижены все жизни! завышены все цены! и врут твои весы... (Испуганно берёт все деньги из кассы и исчезает, хлопнув дверью.)

Автор (вздыхая из-под прилавка). Тоска моя...

БАБАЙКА МОНУМЕНТАЛЬНАЯ

Жил бы так себе, но жил. Был бы без судьбы. Только, видно, вступил в Срок. Был ли это суд незримый – тайный неба приговор; или грубый рок над ним надругался хамски тут, – мы не знаем точно. Но! он идею вдруг родил.

Лучше б сразу в организм свой принял яд, лучше б сразу ставил точку на стихиях всех подряд! Но жевал он хлеб с водою, с гордым видом на ходу он с огнём мечты шутил – и идею ту в подвалах памяти хранил. И за много лет отсрочки разложил сюжет детально... Только стал концом летальным злой конец его пера – и идея умерла на последней точке.

Над идеей стонет он, убивается, ползая в грязи немой. Но народ неймёт, земля не принимает...

Мораль: Лучше сразу пулю в лоб!

Разум для идеи гроб.

ОЗНОБ

Когда идёт борьба в холодном зеркале с уродом, когда похмельная тоска подходит ближе, ближе... и ты в углу, в поту, в ознобе... она же гладким языком тебя оближет – ты ей вернёшь последнюю надежду призрачной свободы.

Судьба не терпит пустоты.

Дано увидеть мне те дали, куда не долечу. Я славлю твою щедрость, моя тягучая ущербность!

И скучно и грустно... и смешно.

О, знали бы, как давит груз невысказанных слов, как умирает сердце от стыда вот этих строк. Как мне противна злая роль "непонятого"!

Стареет дом, где день за днём я убедился лишь в одном, что нет любви в уме своём; где вечность и стена стояли рядом за окном; где знавшие меня все были ни при чём... Действительно – смешно!

Дорога истинна лишь та, где ты избранник...

И, вырывая ногу из трясины страхов, я делаю за шагом шаг... по кругу! Как рыба кверху брюхом у плотины, всплываю – и опаздываю к сроку: к верховьям не пройти – не переплыть рутины.

Мне обложили ватой и бока, и глотку. Забава странная: петь соло на помойке или шипеть сквозь выбитые зубы: "Я царь, я раб, я червь, я бог!" – замотанным на койке.

Царствуй, человек разумный! Здоровый человек-покойник.

Здравствуй! Это я. Озноб, подонок, алкоголик.

СМУТНАЯ ПРОЗА

сон

В школьном классе я. Парты сдвинуты. У доски стою. Руки – за спину. Со стены другой – люди страшные: очень видные! – все в ушаночках да с винтовками. В меня целятся: виноват, знать, я. Но в последний миг я оконное стекло звонкое головой прошиб – и под окрики и сквозь выстрелы улетел от них до Америки. Где уж много лет в приключениях прожигаю жизнь да гуляю всласть. В меру женщины: кругом мафия, – балансирую я по краешку. В привокзальную вот столовую от погони злой, от врагов степных уйду с ножом. За столом в углу старый школьный друг признаёт меня, находясь в бреду далеко в ночи. "Как ты тоже тут!!!" – я его спрошу. И ответил он: "Я ли лыком сшит? Я ли клином вбит?!" Помолчим вдвоём и помянем мы нашу улицу, и покурим мы, и споём в слезах. И шепнул мне друг, что по радио утром слышал он: мол, у нас твою книжку древнюю распечатали. И забыл уж я, что сказал-то в ней... Как мечтал я там!.. Но по случаю публикации отправляюсь вновь в самолётике я бумажном в путь...

И с порогу – в дом! Где родился я, детство где моё пело радостью... Я вхожу один, повидавшим мир, с головой седой. А ко мне лицо обернулося: всё багровое, рыхло-дряблкое... Эту женщину вдруг припомню я – это смерть моя, что мне снилася в той Америке. А душа в Аду. В зале каменном чёрствый Гитлер спит в чреве Сталина, охраняют их черти-рыцари. Моя мама где? Почему же ты не спешишь ко мне?! Усыпи скорей эту женщину – я боюсь её: она красная, она рыхлая!..

И вернулась домой моя мама.

ПРО ЛЕНЬ

сочинил писатель

Он шёл по площади. И было холодно. И было северно. И было ветрено. И с постамента упала кепочка. Видимо, монумент замёрз и устал – и выронил её из руки.

Так мне на темечко упала кепочка!..

Вы свободны, гражданин. Да, думаю.

И не могу попасть окурком в урну.

Мне – лень. Лень? Лень – это когда нет урн.

Лень – это прямая линия, упёртая в точку зрения.

Бывает мудрая лень. Но она по-другому называется.

Лень – это когда пишешь такое. Спать-то сутками лень. А писать проще всего.

Но утром хочется кофе. А до кухни – целый коридор. И не утро уже, а вечер.

Можно всё сделать и завтра.

Завтра, например, можно проглотить “кишку” и вливать через неё бульон...

Лень – это пышная тень от пня!

Опять телефон... Лень. С ней надо притворяться деревом.

Лучше уж просто поесть. Хотя бы холодного.

Оправдаюсь сомненьями...

Он стоял. С крыши летел кирпич. Он посмотрел и не отошёл.

Ему было лень.

ПРО ОБЖОРУ

Средь шумного бала шуты умирают от скуки...
Башилачёв

Жил да был толстяк один. Но, представьте, он не ел. Ужаснитесь: мало пил! На работе лишь потел...

–“На машину, что ль, копил?”

–“Иль в Америку хотел?”

Нет же: в трудобуднюю неделю бегал он по вечерам... Вряд ли кто-то мне поверит, но он где-то добывал небывалые продукты (эти, как их тут зовут-то?): натюрморты, то бишь фрукты: ананасные филе и медовые колье...

Всю субботу он готовил: шлёпал-жал-молотил-варил: не жалея личной крови, он такое там творил! Ни один словарь не ведал слов подобных (очень жаль). Но в воскресенье он к обеду стол достойный накрывал.

–“Ох, и жрал!..”

А вот не жрал! Он за стол сел с краю и блаженно засыпал...

И во сне он видел лица... лица добрые друзей...

А очнувшись ото сна, убирал он со стола.

Дальше можно посмеяться! Все нетронутые яства: вина, мёды, лимонады, – он спроваживал в ведро, что на лестнице в парадном для свиней водворено.

–“А! Эти самые спагетти он выбрасывал в ведро?!”

–“Он бесспорный шизофреник! Безусловный идиот! И откуда тонны денег?! Ночью, верно, их крадёт!”

–“И не пьёт, как будто жид!”

–“Вы же люди! поглядите: там бюджет и тут лимит! Дефицит на паразите! А ведро себе торчит! Натё, свиньи, жуйте, ... Жид!”

И толстяк зевнул однажды и сквозь сон пробормотал:

– Как же, братья, я устал...

Распахнул окно – и шагнул на дно.

Двор был пуст: наш город спал. Ты не слышал, я не знал. И никто, пойми, никто.

СОБАЧИЙ ПОДВИГ

Через метро я продирался к брату...

Эскалатор. Час пик, весь день козырный. Оттоптанное ноги до ушей. Старушка мимоходом покрыла меня матом. Ну, в общем, как всегда здесь, бурлило море смеха.

Довольный съехал наверх. Пыль вдохнул. И вижу: лежит без чувств лохматая собака. Животное такое. Без человека – слово лишь немое. Но человек не понимает это – и бродят те слова по чёрно-белу свету.

Стоит народ, собаку ту жалеет. “Вот дышит!– говорят,– хотя не блеет.”

Тут одна дама раскрывает чемодан, помятый словно будничные лица, и дамский, белый, ароматный валидол в собачий красный рот суёт... Я сник. Хотя впихнуть таблеточку помог.

Собачка улыбнулась – и ушла.

“Вот стерва, дураков нашла!!!” – мне прямо в душу крикнул ветеран. Я не обиделся: перепугался сам.

Но на прощание в глаза собаке, нас надувшей, я посмотреть-таки успел! И карим баритоном отозвался взгляд её: “Прости меня, мой друг. Хозяин бывший чуть веру не добил мою в людей. Вот я и притворилась...”

Я подвиг оценил собачий. И даже пожелал удачи – тебе, себе и ей.

Собака верила в людей.

ВЕЧЕРИНКА

Я так долго мечтал: есть под небом высоким такие места, где не быть мне ни злым, ни чужим... И вот (уж не знаю: случайно ль?) попал я в тот дом без зеркал.

Сквозь табачный дым утончённый оскал я своей мечты в доме том различал...

Называли друг дружку они “господами” (благо, зеркала не было там): рестораны, мол, их все забиты жлобами, во дворцах их бесчинствует хам!

Они крайне умело владели руками, они очень технично играли словами, но привыкли ко мне (или – руки устали) и налили винца; фальшь медовая липла и била наотмашь меня по губам.

Пили стоя: за – в литкружке ими вздвигнутый храм.

Потом – сидя: за свои интеллекты во тьме простоватого стада и звукоряды.

И – лёжа: за стилистику и за фонетику.

Тут вообще началось... Сколько пью, а не видел такого!

Бульк: создание хрупкое над столом вознеслось – и завыли стихи о заоблачных швах. Муж кричал ей: “Отлично, корова! Сие также войдёт в новый наш альманах! Ну, как пера облегчённая проба. Какова ассоциация? Bravo! Это постсимволизм”.

И созданье задрыгалось в супружбых руках – от восторга, стыда и для смеха. А затем, вдруг зрочки закатив, при свечах прочитало нам анекдотик про “секс, хи-хи-хи”.

Я со страху – чтоб ей не досталось – дóпил всё, что ещё оставалось.

Но напрасен был подвиг мой: стали Блока читать в запой. Сладострастно, наперебой, словно били в живот ногой, – проводили его сквозь строй...

– Господа, пощадите солдата... – я в бреду проскрипел, задыхаясь.

– Хм, есть тенденция. Образы вялы... – снисходительно ртом улыбаясь, на мой всхлип развернулся их главный брюнет. После паузы мудрой далёкого взгляда изрёк нараспев:

– Да-а, воспитал нас маститый поэт. Может быть, я бы смог попросить у него за... тебя!”

Я боялся – он скажет: “Сынок, поцелуй мне за это пупок”.

Но ему помешали друзья: “Вот он, Вася! Сама доброта!”

– Спасибо, Вася, за урок. Я этот день запомню навсегда.

И я потёк через порог...